

<4>. <Из переписки Пушкина с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым>

К. Ф. Рылеев — Пушкину

5–7 января 1825. Петербург

Рылеев обнимает Пушкина и поздравляет с «Цыганами»¹. Они совершенно оправдали наше мнение о твоём таланте. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца. Я пишу к тебе: *ты*, потому что холодное *вы* не ложится под перо; надеюсь, что имею на это право и по душе и по мыслям. Пущин познакомит нас короче. Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы.

Пушкин — К. Ф. Рылееву

25 января 1825. Михайловское

Благодарю тебя за *ты* и за письмо. Пущин привезет тебе отрывок из моих «Цыганов»². Желаю, чтоб они тебе понравились. Жду «Полярной Звезды» с нетерпением, знаешь для чего? для «Войнаровского»³. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужев пишет мне много об «Онегине»⁴ — скажи ему, что он не прав: ужели хочет он изгнать всё легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? следственно должно будет уничтожить и «Orlando furioso», и «Гудибраса», и «Pucelle», и «Вер-Вера», и «Ренике-фукс», и лучшую часть «Душеньки»⁵, и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc. etc. etc. etc. etc. . . Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии, но довольно об «Онегине». <...>

К. Ф. Рылеев — Пушкину

12 февраля 1825. Петербург

Благодарю тебя, милый Поэт, за отрывок из «Цыган» и за письмо; первый прелестен, второе мило. Разделяю твоё мнение, что картины светской жизни входят в область поэзии. Да если б и не входили, ты с своим чертовским дарованием втолкунул бы их насильно туда. Когда Бестужев писал к тебе последнее письмо, я ещё не читал вполне первой песни «Онегина». Теперь я слышал всю: она прекрасна; ты схватил всё, что только подобный предмет представляет. Но «Онегин», сужу по первой песни, ниже и «Бахчисарайского фонтана», и «Кавказского пленника». <...>

А. А. Бестужев — Пушкину

9 марта 1825. Петербург

Долго не отвечал я тебе, любезный Пушкин⁶, не вини: был занят механикою издания «Полярной». Она кончается (т. е. оживает), и я дышу свободнее и приступаю вновь к литературным спорам. Поговорим об «Онегине».

Ты очень искусно отбиваешь возражения на счет предмета — но я не убежден в том, будто велика заслуга оплодотворить тощее поле предмета, хотя и соглашаюсь, что тут надобно много искусства и труда. Чудно привить яблоки к сосне — но это бывает, это дивит, а всё-таки яблоки пахнут смолою. Трудно попасть горошинкой в ушко иглы, но ты знаешь награду, которую назначил за это Филипп⁷. Между тем как убить в высоте орла, надобно и много искусства и хорошее ружье. Ружье — талант, птица — предмет — для чего ж тебе из пушки стрелять в бабочку? — Ты говоришь, что многие гении занимались этим — я и не спорю, но если они ставили это искусство выше изящной, высокой поэзии — то верно шутя; слово Буало, будто хороший куплетец лучше иной поэмы⁸, нигде уже ныне не находит верующих, ибо Рубан⁹, бесталаный Рубан написал несколько хороших стихов, но читаемую поэму напишет не всякой. Проговориться не значит говорить,

блеснуть можно и не горя. Чем выше предмет, тем более надобно силы, чтобы объять его — его постичь, его одушевить. Иначе ты покажешься мошкой на пирамиде — муравьем, который силится поднять яйцо орла. — Одним словом как бы ни был велик и богат предмет стихотворения — он станет таким только в руках гения. Сладок сок кокоса, но для того, чтоб извлечь его, потребна не ребяческая сила. В доказательство тому приведу и пример: что может быть поэтичнее *Петра*? И кто написал его сносно?¹⁰ Нет, Пушкин, нет, никогда не соглашусь, что поэма заключается в предмете, а не в исполнении! — Что свет можно описывать в поэтических формах — это несомненно, но дал ли ты «Онегину» поэтические формы, кроме стихов? поставил ли ты его в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты? — Я вижу франта, который душой и телом предан моде — вижу человека, которых тысячи встречаю наяву, ибо самая холодность и мизантропия и странность теперь в числе туалетных приборов. Конечно многие картины прелестны, — но они не полны, ты схватил петербургской свет, но не проник в него. Прочти Байрона; он, не зная нашего Петербурга, описал его схоже — там, где касалось до глубокого познания людей¹¹. У него даже притворное пустословие скрывает в себе замечания философские, а про сатиру и говорить нечего. Я не знаю человека, который бы лучше его, портретнее его очеркивал характеры, схватывал в них новые проблески страстей и страстишек. И как зла, и как свежа его сатира! Не думай однакож, что мне не нравится твой «Онегин», напротив. Вся ее мечтательная часть прелестна, но в этой части я не вижу уже Онегина, а только тебя. Не отсоветываю даже писать в этом роде, ибо он должен нравиться массе публики, — но желал бы только, чтоб ты разуверился в превосходстве его над другими. Впрочем мое мнение не аксиома, но я невольно отдаю преимущество тому, что колеблет душу, что ее возвышает, что трогает русское сердце; а мало ли таких предметов — и они ждут тебя! Стоит ли вырезывать изображения из яблочного семечка, подобно браминам индейским, когда у тебя, в руке резец Праксителя? Страсти и время не возвращаются — а мы не вечны!!! <...>

К. Ф. Рылеев — Пушкину

10 марта 1825. Петербург

Не знаю, что будет «Онегин» далее: быть может в следующих песнях он будет одного достоинства с «Дон Жуаном»: чем дальше в лес, тем больше дров; но теперь он ниже «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника». Я готов спорить об этом до второго пришествия.

Мнение Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэт, описавший колоду карт лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника¹². У каждого свой дар, своя Муза. Майкова «Елисей» прекрасен¹³; но был ли бы он таким у Державина, не думаю, несмотря на превосходства таланта его пред талантом Майкова. Державина «Мириамна» никуда не годится¹⁴. Следует ли из того, что он ниже Озерова?

Не согласен и на то, что «Онегин» выше «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника», как творение искусства. Сделай милость, не оправдывай софизмов Воейковых¹⁵: им только дозволительно ставить искусство выше вдохновения. Ты на себя клепешь и взводишь Бог знает что. <...>

Пушкин — А. А. Бестужеву

24 марта 1825. Михайловское

<...> Твое письмо очень умно, но всё-таки ты не прав, всё-таки ты смотришь на «Онегина» не с той точки, всё-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с «Дон Жуаном». — Никто более меня не уважает «Дон Жуана» (первые 5 песней, других не читал), но в нем ничего нет общего с «Онегиным». Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в «Евгении Онегине». У

меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатире. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен. . . . Ах! Если б заманить тебя в Михайловское! . . . ты увидишь, что если уж и сравнивать «Онегина» с «Дон Жуаном», то разве в одном отношении: кто милее и прелестнее (*gracieuse*), Татьяна или Юлия?¹⁶ 1-ая песнь просто быстрое введение, и я им доволен (что очень редко со мною случается). Сим заключаю полемику нашу. . . <...>

К. Ф. Рылеев — Пушкину

Конец апреля 1825. Петербург

<...> «Цыган» слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подыскивался, чтоб привязаться к чему-нибудь и нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и собирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом¹⁷. Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачем? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина, за тем, что желаю от него совершенства. <...>

Печатается по: *Пушкин А. С. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. . . . Т. 13. С. 133, 134, 141, 148–149, 150, 155, 168–169.*

Примечания:

¹ В начале января 1825 г. Рылеев еще не читал поэму, но слышал ее в чтении Л. С. Пушкина. Отрывок из «Цыган» был напечатан Бестужевым и Рылеевым в альманахе «Полярная звезда на 1825 год» (СПб., 1825).

² Лицейский товарищ Пушкина И. И. Пущин, приехавший в Михайловское из Петербурга в январе 1825 г., привез поэту воспроизведенное выше письмо Рылеева, а затем отвез в Петербург письма Пушкина и отрывок из «Цыган».

³ Поэма Рылеева «Войнаровский», отрывок из которой был опубликован в «Полярной звезде на 1824 год» (еще два отрывка явились в том же году в других журналах), в январе 1825 г. уже была напечатана отдельной книжкой в Москве.

⁴ Письмо Бестужева не сохранилось.

⁵ «*Orlando furioso*» («Неистовый Роланд», 1516–1532) — рыцарская поэма Л. Ариосто, широко использующая волшебные сказочные мотивы, зачастую в ироническом освещении. «*Gudibras*» (1663–1678) — сатирическая повесть С. Батлера, в которой высмеиваются распри между религиозными сектами в Англии в конце правления Карла I. «*Pucelle d'Orléans*» («Орлеанская девственница», 1735; опублик. 1762) — сатирическая вольная поэма Вольтера. «*Вер-Вер*» (1734) — шутивная, отчасти фривольная поэма Ж. Б. Грессе, в которой повествуется о попугае, воспитанном в женском монастыре. «*Ренике-фукс*» («*Рейнеке-лис*», 1793) — поэма Гёте, в которой обработан распространенный сюжет средневековых сатирических поэм о лисе-проходимце. «*Душенька*» (1783) — шутивная поэма-сказка И. Ф. Богдановича.

⁶ Письмо Пушкина не сохранилось.

⁷ Соответствующий эпизод упоминается Квинтилианом в «Воспитании оратора» (кн. II, 20, 3), однако речь там идет об Александре Македонском, а не о его отце Филиппе II: «Есть также и пустая игра в искусство: в ней нет ни добра, ни зла, какие есть в искусстве, а только его труды, да и те праздные, — как у того человека, который издали, подряд и без промаха насаживал горошины на игольное острие: говорят, будто Александр, увидев это, велел подарить ему меру гороха, ибо впрямь только такой награды и стоила его работа».

⁸ Бестужев имеет в виду стих из 2-й песни «Поэтического искусства» (1672) Н. Буало: «Безупречный сонет один стоит длинной поэмы».

⁹ Василий Григорьевич Рубан (1742–1795) — поэт Екатерининской эпохи.

¹⁰ Начало русским «Петриадам» (поэмам о Петре I) положил А. Д. Кантемир незавершенной героической поэмой «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора Всероссийского» (1730). В 1756–1761 гг. над поэмой «Петр Великий» работал М. В. Ломоносов. В начале XIX в. вышли в свет «Петр Великий, героическая поэма в шести песнях, стихами сочиненная» Р. Сладковского (1803); «Петр Великий, лирическое песнопение в восьми песнях» С. А. Ширинского-Шихматова (1810); «Петриада. Поэма эпическая» А. Н. Грузинцева (1812; 2-е изд. — 1817).

¹¹ Имеется в виду 10-я песнь поэмы Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» (1819–1824).

¹² В 1821 г. между Байроном и поэтом У. Л. Боулсом разгорелся спор о том, какой предмет предпочтительнее для художника — картины ли природы или вещи, созданные человеком. Возражая Боулсу, который, полемически заостряя предмет полемики, утверждал, что гораздо достойнее изображать деревья, чем колоду карт, Байрон говорил, что писатель, сумевший сделать поэтический предмет из колоды карт, окажется выше того, кто вяло описывает деревья, заботясь лишь о механическом правдоподобию (об этом говорилось в открытом письме Байрона к Дж. Меррею от 7 февраля 1821 г., напечатанном в марте того же года; см.: *Анненков П. В.* С. 126–127). В письме к Бестужеву от 24 марта Пушкин отступает от своей позиции. «Скажи ему <Рылееву. — *Сост.*>, что в отношении мнения Байрона он прав. Я хотел было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Byron в своем споре заврались <...>» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. ... Т. XIII. С. 155).

¹³ «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771) — ироикомическая поэма В. И. Майкова.

¹⁴ К трагическому жанру Державин обратился на склоне лет. Трагедия «Ирод и Мариамна» (1807), как и другие его трагедии, успеха не имела.

¹⁵ Александр Федорович Воейков (1778/1779–1839) — поэт, переводчик, критик; эпигон нормативной классицистической эстетики.

¹⁶ Юлия — героиня 1-й песни «Дон Жуана» Байрона.

¹⁷ В статье «Опровержение на критики» (1830) Пушкин вспоминал: «Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с публики. Вяземский <в рецензии на «Цыган» 1827 г. — *Сост.*> повторил то же замечание. (Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее.) Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы...» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. ... Т. XI. С. 153*).